

УДК 81'373.4
ББК Ш105.316

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

И. Т. Вепрева **I. T. Vepreva**

Н. А. Купина **N. A. Kupina**

Екатеринбург, Россия

Ekaterinburg, Russia

**ТРЕВОЖНАЯ ЛЕКСИКА ТЕКУЩЕГО
ВРЕМЕНИ: НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ
ЭТНОНИМЫ В ФУНКЦИИ
АКТУАЛЬНЫХ СЛОВ**

**THE WORDS OF UNREST
IN THE WORLD TODAY:
UNOFFICIAL ETHNONYMS
IN REAL USAGE**

Аннотация. Анализируется группа неофициальных этнонимов, актуализация которых связана с украинским политическим кризисом. По данным лексикографических источников, психолингвистического эксперимента, высказываний, извлеченных из текстов российских газетных изданий, устанавливаются словарные значения актуальных слов, особенности отражения их семантики в языковом сознании студенческой молодежи. С учетом разграничения чужой и собственно авторской речи выявляются контекстные смыслы лексемы «москаль», интерпретируются сопутствующие идеологемы, мифы, формулы коллективной идентичности.

Abstract. The authors analyze the group of unofficial ethnonyms, brought into active usage by the Ukrainian political crises. Using lexicographical sources, psycholinguistic experiment and utterances from Russian newspapers, the authors register the vocabulary meanings of actively used words and the peculiarities of reflection of their content in the mind of student audience. Differentiating the author's speech and direct utterances, the article defines the contextual meanings of the lexeme "moskal" and interprets the associated ideologemes, myths and collective identity formulas.

Ключевые слова: этноним; неофициальный этноним; национализм; идентичность; языковое сознание; чужая речь; собственно авторская речь; идеологема; миф.

Key words: ethnonym; unofficial ethnonym; nationalism; identity; language consciousness; direct utterance; author's speech; ideologeme; myth.

Сведения об авторе: Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой риторики и стилистики русского языка.

About the author: Vepreva Irina Trofimovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: The Ural Federal University named after the First Russian President Boris Yeltsin (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, Ленина, 51, к. 312.
e-mail: irina_vepreva@mail.ru.

Сведения об авторе: Купина Наталия Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

About the author: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Rhetorics and Stylistics of the Russian Language.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: The Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, Ленина, 51, к. 312.
e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Собственно этнонимы, или «названия различных видов этнических общностей: наций, народов, племен и др.» [Матвеева 2010: 548], исследователи отличают от этностереотипов. Этностереотип «понимается как стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос» [Крысин 2003: 450]. Этностереотипы получают «языковое выражение в виде слов, словосочетаний, фразеологически или синтаксически обусловленных конструкций и т. п.» [Там же: 451].

Например, устойчивое выражение *Не стерпело русское сердце*, которое употребляется в значении «из себя вышел, в драку пошел» [Даль 1980, т. IV: 114], содержит самохарактеристику, передает стереотипное представление об эмоциональности, несдержанности, порывистости русского речевого поведения.

В речевом обороте носителей социальных языков используются неофициальные этнонимы (слова и устойчивые сочетания), в значениях которых закреплено наивное, как правило, негативное, стереотипное представление о том или ином этносе. Например,

слово *чурка* функционирует в молодежном сленге как пренебрежительное название «азиата или кавказца» [Никитина 2004: 310]. Нельзя не заметить, что внешний облик, поведенческая манера, психологические особенности азиатов и кавказцев не являются идентичными. В данном случае, скорее всего, реализуется оппозиция «свой — чужой», а «чужой» значит «не наш», «не русский». Точность образных аналогий и эмоционально-оценочных компонентов лексического значения неофициальных этнонимов далеко не всегда соответствует критерию объективности.

Социальная отмеченность, направленная оценочность этностереотипов ограничивают их употребление в речи носителей русского литературного языка. Обращает на себя внимание тот факт, что неофициальные этнонимы, в значении которых закреплена отрицательная оценка, в текстах русской художественной литературы в основном маркируют речевые партии персонажей. Специальный анализ показывает, в частности, что в прозе А. П. Чехова персонажи «некультурные и неинтеллигентные, хотя бы и принадлежащие имущему классу, а также образованные люди в преднамеренно отрицательных контекстах, с подчеркнутым посланием оскорбить, говорят *жид*» [Йокояма 2003: 463]. Социальная отмеченность, отрицательная эмоционально-экспрессивная окраска обуславливают восприятие подобных слов как этически неуместных, задевающих национальное достоинство, наносящих моральный вред адресату или третьему лицу.

Начавшееся в феврале 2014 г. обострение социально-политической ситуации на Украине сопровождается актуализацией неофициальных этнонимов *москаль*, *кацап*, *жид*. В то же время ожидаемого всплеска употреблений лексемы *хохол* не произошло.

Попытаемся установить специфику актуальных слов на материале словарных толкований, данных психолингвистического эксперимента, высказываний, извлеченных из текстов российских СМИ (февраль — май 2014 г.).

В толковых словарях русского языка новейшего времени эти слова не отмечаются [Толковый словарь... 2006] или отмечаются частично. Например, в словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой зафиксировано слово *москаль* — «(устар. пренебр.). На Украине и в Белоруссии: прозвище русских, а также (стар.) солдат» [Толковый словарь... 2008: 462]. Отношение авторов однотомных словарей к данной группе слов как единицам, не востребованным речевым узусом, косвенно отражает факт нейтрализации этнического

противопоставления русских и украинцев в картине мира россиян.

В толковых словарях советского периода эти единицы фиксируются нерегулярно с типовыми пометами *груб.*, *прост.*, *презр.* и *устар.* Приведем извлечения из толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова (ТСУ).

Москаль — «(дореволюц. пренебр.). Шовинистическое прозвище, прилагавшееся жителями Украины и Белоруссии к русским, представителям Московского государства, а также к солдатам» [ТСУ 1938, т. 2: 263]; *кацап* — «(дореволюц. бран.). Шовинистическое обозначение русского в отличие от украинца в устах украинцев-националистов, возникшее на почве национальной вражды» [ТСУ 1935, т. 1: 1338]. Общий семантический компонент ('русский в отличие от украинца') не конкретизируется.

Хохол — «(дореволюц. разг. шутол., бран.). В устах шовинистов-великороссов — украинец»; *жид* — «(дореволюц.). 1. В устах антисемитов — еврей (презрит.). 2. *перен.* В кругах антисемитов — скряга (простореч. бран.). [Первонач. не имеет презрит. или бран. оттенка, но впоследствии стало ходовым шовинистическим обозначением еврея и приобрело черносотенный характер]» — [ТСУ 1935, т. 1: 867].

Официальная идеологическая установка на дружбу, равенство и братство народов исключала данные и подобные слова из активного лексикона советских людей. Отметим, что в «Толковом словаре языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998] анализируемые лексемы отсутствуют, так как объективно не входят в состав советизмов. Косвенно свидетельствует об их «живучести» лексема *жидовоз* — «*Разг. Шутол.-ирон.* Самолет, выполняющий рейс Ленинград — Вена, на котором из СССР обычно улетали еврейские эмигранты» [Мокиенко, Никитина 1998: 190].

Советская языковая политика, поддерживающая фундаментальные идеологемы, трактовала неофициальные этнонимы как «пережитки прошлого», связывала их с «тяжелым наследием царского режима». Между тем, по нашим наблюдениям, в межличностном и межгрупповом общении лексические этностереотипы продолжали употребляться то как средства проявления непримиримой вражды, то как обидные прозвища, то как шуточные ярлыки, то как самоиронизмы. О специфике отражения семантики неофициальных этнонимов *хохол*, *жид*, *кацап*, *москаль* в языковом сознании молодых людей можно судить по данным пилотного эксперимента, который был проведен нами в период украинского кризиса (май 2014 г.). Количество информантов — 90.

Студентам первого и второго курсов Уральского федерального университета было предложено в письменном виде ответить на следующие вопросы:

— Как вы понимаете значение слова?

— Считаете ли вы возможным употребление данного слова в собственной речи?

ХОХОЛ

53,2 % информантов воспринимают слово *хохол* как неофициальный этноним. Типичные толкования: *Неприличное название украинцев; Просторечное / жаргонное название украинцев; Думаю, что это оскорбительное название украинцев; Негативное / бранное / грубое / оскорбительное / уничижительное / презрительное название / прозвище украинцев; Грубоватое / шутовое и слегка негативное, чуть презрительное название украинцев / жителей Украины.*

Нерегулярно в толкованиях встречаются указания на тех, кто данную номинацию употребляет: *Русские так часто называют украинцев; Русский может так назвать украинца; Русский человек может так обратиться к украинцу; Неодобрительное название представителями русской национальности украинца или человека, в речи которого слышны особенности украинского языка.*

В приведенных ответах на вопрос проявляется осознание обозначаемого (так называют *украинцев*), которое сопровождается двумя группами эмоционально-экспрессивных «добавок»: 1) отрицательные общеоценочные компоненты: 'негативное', 'неприличное'; частнооценочные компоненты: 'оскорбительное', 'бранное', 'грубое', 'уничижительное', 'презрительное', 'неодобрительное'; 2) смягченные оценочные компоненты: 'слегка негативное', 'чуть презрительное', 'грубоватое', 'шутовое'. Нерегулярно дается указание на *русских*, в речи которых данное прозвище употребляется. Украинский кризис не способствовал развитию отрицательно-оценочных компонентов семантики лексемы.

46,5 % информантов определяют слово *хохол* как безоценочный этноним. Типичные толкования: *хохол — Украинец; Человек украинской национальности; Украинец по происхождению.* Заметно редуцирование семантического компонента 'этническая принадлежность': *хохол — Житель Украины; Гражданин Украины; Человек, проживающий на Украине; Представитель Украины; Человек, говорящий на украинском языке.*

Российские студенты, как свидетельствуют ответы, не употребляют лексему *хохол* и ее родовой вариант в собственной речи, но считают допустимым ее шутовое использование в семейном общении и в дру-

жеском кругу: *Мой папа маму хохлушкой называет; Можно употреблять это слово в шутку, с друзьями; При встрече русского и украинца можно назвать друг друга „москалем“ и „хохлом“.*

Таким образом, слово *хохол* находится в активном речевом обороте. Оно осознается большинством информантов как неофициальный этноним, который употребляется, в зависимости от ситуации, то с негативной, то с шутовой окраской. Наметилось использование этой лексемы как безоценочного этнонима.

ЖИД

44,6 % опрошенных воспринимают данную лексему как неофициальный этноним. Типичные толкования: *Негативное / бранное прозвище еврея; Грубое / обидное / пренебрежительное / оскорбительное / ругательное / обидное / презрительное название еврея; Еврей — употребляется в шутку; Пренебрежительное наименование / прозвище людей еврейской национальности русскими; Эмоционально-экспрессивное выражение с целью оскорбления еврейской национальности; Старинное уничижительное название еврея.*

В приведенных ответах проявляется осознание обозначаемого (так называют *еврея / евреев*), которое сопровождается выделением типичных эмоционально-оценочных «добавок»: 1) общей оценки 'негативное'; 2) частнооценочных компонентов: 'бранное', 'грубое', 'пренебрежительное', 'оскорбительное', 'ругательное', 'обидное', 'презрительное', 'уничижительное', 'шутовое', а также 'старинное'. Указание на тех, кто данное прозвище употребляет, в ответах отсутствует (лишь одно толкование включает семантическую долю 'со стороны русских').

22 % опрошенных понимают слово как безоценочный этноним: *жид — Еврей; Лицо еврейской национальности; Тот, кто исповедует иудейскую веру; Гражданин Израиля.*

О влиянии украинского кризиса на актуализацию слова косвенно свидетельствуют единичные аномальные толкования: *жид — Еврей или украинец; Человек украинской национальности; Поляк или еврей.* Некоторые из опрошенных (8,2 %) не представили ответ на предложенный стимул.

20 % опрошенных выделяют вторичное значение лексемы. Типичные толкования: *Жадный человек; Жадный и недоверчивый человек; Жадный, наживший состояние человек; Жадный, корыстный человек; Жадный, скупой человек; Грубоватое обозначение жадина и скупердяя; Человек, который жалеет свое имущество для окружающих его людей; Человек, который стремитель-*

но *наживается, очень жадный; Тот, кто берет всё, не отдает ничего.*

Изредка встречаются типовые ассоциативные отклики: *Жид — Жадный — так обычно говорят о евреях.* При этом сравнительные обороты (*жадный, как еврей*) в толкованиях отсутствуют. В 5,2 % ответов встречаем толкования и первого, и второго значений.

Как свидетельствуют полученные ответы, студенты не употребляют слово *жид* и не считают возможным его употребление (30 %); не употребляют слово *жид*, но считают возможным его употребление (64 %); употребляют слово *жид* изредка — в обществе друзей, в шутку (6 %).

Таким образом, слово *жид* не вышло из активного речевого оборота. Как неофициальный этноним с негативными эмоционально-экспрессивными включениями оно осознается большинством информантов. В активном лексиконе молодежи данное слово закреплено также в общехарактеризующем значении «жадный, скупой» (о человеке).

Российские студенты, как правило, не употребляют лексику *жид* в собственной речи. В то же время многие допускают ее шутливое использование в дружеском кругу.

КАЦАП

Лишь 14,3 % опрошенных осмысливают слово *кацап* как неофициальный этноним. Типичные толкования: *Грубое название русских, используется украинцами; Оскорбительное прозвище по отношению к русским; Жаргонное наименование русских, как правило, используется жителями Украины; Слово используется украинскими националистами как унижительное прозвище, оскорбительное название русских; Слово, которое используется для названия русских, чтобы их обидеть.*

В приведенных ответах проявляется осознание обозначаемого (так называют *русских*), которое сопровождается выделением типичных эмоционально-оценочных «добавок» к прозвищу ('грубое', 'оскорбительное', 'обидное') и указанием на тех, кто данное прозвище употребляет (*украинцы, жители Украины, украинские националисты*).

Лишь в двух ответах прослеживается понимание слова *кацап* как безоценочного этнонима: *Название русского человека.*

О влиянии украинских событий февраля — мая 2014 г. косвенно позволяют судить отдельные толкования, свидетельствующие о включении лексики в поле этнонимов и одновременно — о наведенном экстралингвистическом контекстом произвольном замещении идентификатора: *кацап — Это украинец; Кажется, это украинский еврей.*

В большинстве случаев (85,7 %) ответ на поставленный вопрос отсутствует. Встречаются также следующие реакции: *Не знаю; Не знаю, не слышал(а); Слышал(а) по телевизору, но смысла не понял(а); В новостях слышал, но в смысл не вникал; В Интернете попадалось, но не поняла.*

Таким образом, слово *кацап*, по всей видимости, вышло из активного употребления, устарело. Как неофициальный этноним (оскорбительное прозвище русских со стороны украинцев) оно осознается лишь небольшой группой опрошенных. В речи российских студентов не употребляется.

МОСКАЛЬ

Несмотря на очевидную актуализацию в СМИ слова *москаль* в период украинского кризиса, 33 % информантов не понимают его денотативного значения. Типовые ответы: *Не знаю; Слышал(а), но не понял(а) значения; Единственно, что я связываю с этим словом, — это слово с Украины; Не имею точного представления, но знаю, что это оскорбительное слово.*

43 % студентов толкуют лексику *москаль* как неофициальный этноним. Типичные толкования: *Просторечное / жаргонное название русских, употребляется на Украине; Так украинцы называют русских с негативной окраской; Остро негативное прозвище по отношению к русским; Грубое / бранное / оскорбительное название русского жителями Украины; Русские, которые, якобы, против Украины; Прозвище русских в украинском языке, сейчас приобрело презрительный оттенок.*

Частотны (22 %) расширительные толкования значения лексики *москаль*: *Так на Украине презрительно называют русских и москвичей; Грубое название москвича и русского в речи украинцев; Жаргонное название русских и москвичей, употребляется на Украине; Думаю, что это оскорбительное прозвище русских и москвичей; Отрицательное прозвище русских и москвичей.*

Менее частотны (18 %) обусловленные опознанием корня суженные толкования с включением негативных «добавок»: *москаль — Сниженное прозвище москвича; Так на Украине с некоторым пренебрежением называют москвичей; Так, по-моему, украинцы неодобрительно называют москвича; Бранное название москвича у жителей Украины; Сниженное — житель Москвы.* Отметим, что этимологические словари устанавливают словообразовательную связь: *москаль* — от *Москва* [Фасмер 1967, т. 2: 659], которая, очевидно, не утратилась до настоящего времени. В подобных случаях лексема *москаль* осознается как экспрес-

сивный катаяконим, т. е. «оттопонимическое образование» [Подольская 1988: 65].

Во всех случаях идентификаторы *русский* (1), *русский и москвич* (2), *москвич* (3) сопровождаются эмоционально-оценочными «добавками».

(1) Общеоценочные компоненты: 'негативное', 'остро негативное'; частнооценочные компоненты: 'бранное', 'грубое', 'уничижительное', 'презрительное', 'оскорбительное'.

(2) Общеоценочный компонент: 'отрицательное'; частнооценочные компоненты: 'презрительное', 'грубое', 'оскорбительное'.

(3) Общая оценка выражена косвенно; частнооценочные компоненты: 'сниженное', 'пренебрежительное', 'неодобрительное', 'бранное'.

Наведенные кризисом на Украине семантические компоненты: '*якобы против Украины*'; '*Пропутинские* русские (одно толкование); '*Сейчас*' приобрело презрительный оттенок.

Регулярны уточнения: *кто / где* употребляет слово *москаль* (*украинцы; жители Украины; на Украине*).

24 % информантов воспринимают лексему *москаль* как безоценочный этноним. Типичные толкования: *москаль — Русский; Так на украинском языке называют русского*.

Единичны толкования без включения дифференциального семантического компонента 'этническая принадлежность' и без коннотативных приращений: *москаль — Житель России; Гражданин России; Русскоговорящий человек*. Ср.: *Так на Украине называют москвича; Житель Москвы*.

Таким образом, слово *москаль*, по всей видимости, закреплено в языковом сознании современной молодежи как неофициальный этноним — *Негативное прозвище русских / негативное прозвище русских и москвичей*, а также как катаяконим, значение которого включает отрицательную эмоциональную оценку.

Из ответов следует, что российские студенты данную лексику в собственной речи не употребляют, воспринимая ее как ярлык, который используется в речи украинцев по отношению к русским и москвичам.

Продемонстрируем особенности употребления неофициальных этнонимов в текстах российских СМИ на примере слова *москаль*. Как было отмечено, активизация данной единицы в речи обусловлена политическим кризисом на Украине. Базой данных «Интегрум» (февраль — май 2014 г.) было зафиксировано 1353 словоупотребления.

Важно подчеркнуть, что все неофициальные этнонимы оказываются в зоне чужой речи, отражают некое «произведение точек

зрения» действующих лиц [Успенский 1995] и одновременно исключаются из собственно авторской речи российского журналиста.

В период украинского кризиса широкое распространение получили лозунги, которые на страницах российских газет заключаются в кавычки, сигнализирующие о чужой речи. Воспроизводится ситуация эмоционального взрыва, переходящего в агрессию: *Огромная толпа на площади Независимости в Киеве, стараясь согреться на морозе, радостно прыгает под речовку: „Кто не скачет, тот москаль“. С другой — скандируют: „Москалей на ножи“*. Лозунги-призывы содержат смыслы 'физическое воздействие / расправа', 'кровь', 'насильственная смерть': *„Бей жидов и москалей“*; *„Утопим жидов в крови москалей“*; *„Смерть москалям“*; *„Вырежем всех москалей и их запродавцев“*; *„Москаляку на гиляку“*; *„Порвите москалей“*. Цитируются лозунги, призывающие изгнать русских с украинской земли: *„Геть москалей“*; *„Геть с Украины, москали кляты“*; *„Долой клятых оккупантов-москалей“* и др.

Слово *москаль* сопровождается экспрессивными эпитетами, выражающими ненависть, презрение, отторжение. Типичные характеристики: *клятые москали, проклятые москали, зажавшиеся москали, злые москали, злобные москали, гнусные москали, кровавые москали, коварные москали, поганые москали*. Параллельно тиражируются ярлыки: *оккупанты-москали, захватчики-москали, совки-москали, сепаратисты-москали*.

По данным российских печатных СМИ, в речевой украинской действительности широкое распространение получили высказывания с однородными членами, выраженными неофициальными этнонимами. В зоне авторской речи журналиста может располагаться комментарий, акцентирующий осуждение ксенофобии: *Разве не странно, что осуждающая фашизм Европа поддерживает радикальных украинских националистов, считая борцами за свободу и демократию тех, кто еще недавно открыто призывал „бить жидов и москалей“*. Здесь и в других случаях персонафицированным субъектом речи оказывается «радикальный украинский националист», имя которого называется в редких случаях. Например: *Лидер партии „Свобода“ Олег Тягнибок со сцены кричит: „Геть москалей“*. Собирательный субъект речи — националисты, националистическая организация, националистически настроенная толпа, выкрикивающая готовый лозунг, речовку, дразнилку или поддерживающая соответствующее, прямо или имплицитно выраженное предписание. Формулы черного юмора («Хороший *москаль* — мертвый

москаль»; «**Москаль, москаль**, гімно пле-скаль»; «Дякую тобі, Боже, що я не **москаль**» и др.) не снимают адресной агрессии: *Уровень ненависти к „клятым москалям“ в некоторых областях Украины — как уровень радиации в Чернобыле.*

Вирус ксенофобии заражает украинский язык: охваченные энергией неприятия, однородные ряды этнонимов расширяются. СобираТЕЛЬНЫЙ субъект *мы* прямо выражает этническую интолерантность: **Мы хотим быть уверены, что завтра ни китаец, ни негр, ни жид, ни москаль не придут отбирать наш дом...** Подобные высказывания подкрепляются уловкой в виде отсылки к истории, позволяющей аргументировать тезис «Иностранцы стремились уничтожить украинскую государственность». Например: *Выступая на мероприятии, посвященном памяти одного из руководителей Украинской повстанческой армии, политик заявил: „Они (националисты) взяли автомат на шею и пошли в те леса, они готовились и боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидовой и с другой нечистью, которая хотела забрать у нас наше украинское государство“.*

Российские журналисты пытаются объяснить взрыв ксенофобии на Украине распадом СССР, разрушением советского народа — особой надэтнической общности: *Несложно подсчитать, что многие из них (нынешних националистов) появились на стыке эпох, в ту самую пору, когда происходил тектонический разлом советской цивилизации и миллионы людей, называвшихся прежде „советским народом“, вдруг начали ощущать себя „москалями“, „чурками“, „хохлами“.*

Между тем в речи «чуждое» этническое причудливо объединяется с отвергнутым советским. В националистическом сознании отождествляются иностранцы и коммунисты: *Уже вслух разносится от правых радикалов-националистов — „убей коммуниста, жида, москаля“.* Формулы идентичности (*украинцы = европейцы; Украина — это Европа; ср.: русские = советские; Россия — это совок*) искусственно разъединяют два народа, имеющих общее советское прошлое: *Во Львове многие демонстранты, опрошенные журналистами, огрызались: «Пусть „нормальные люди“ пойдут в Европу, а „совки“ останутся с москалями».*

В высказываниях с ключевым словом *москаль* прослеживается «дискриминационная тактика отчуждения» [Безугла, Романченко 2013: 71]; в высказываниях с ключевым словом *Европа* — тактика уравнивания.

Оживают характерные для тоталитарного сознания идеологемы врага и чистки.

С одной стороны, образ врага укрупняется; с другой — детализируется с помощью экспрессивной однородности: *И вся энергия несчастья, которая будет накапливаться и на востоке, и на западе, и в центре, будет персонифицирована на образ врага — России, русских, „москалей“; Восставшие регионы надо жестко подавить и зачистить от „москалей“; Главными своими врагами ООН объявила „коммунистов, евреев, москалей и поляков“.*

Сама идея этнической чистки как средства избавления от врага ужасает россиян: *Шановне панове, почитайте хотя бы, что несут сейчас в Верховной Раде лидеры крайне правых западных партий, требующих вычистить всех москалей с Украины и запретить лаять на собачьем русском языке.*

Отречение от общих исторических корней (*Мы ничего общего не имеем с этими москалями! У нас своя тысячелетняя история*) активизирует мифы, основанные на идее расового превосходства. Миф 1. «Древние укры» — особая арийская раса. Миф 2. «Москальи — это финно-угры»: *Чего, мол, с москалями говорить, они даже не славяне, а „недочеловеки-финноугры“, а мы зато щирые арийцы!* В российской прессе излагаются получившие хождение на Украине мифологизированные установки: *„Угрофинские москальи“ (это почти научный термин, имеющий в незалежной широкое хождение) выжили только потому, что их кормил и поил народ Украины.* Параллельно цитируется еще один оксюморон — «азиатские москальи» (Миф 3): *„Древние укры“ — свободный европейский народ, принадлежавший к высшей расе, а москальи — азиатское отребье.*

Журнал «Русский дом» комментирует: *Пилсудский настаивал на монгольском происхождении москалей, это делалось, чтобы создать расовую пропасть.* В данном случае находим указание на несамостоятельность нынешних мифологических конструкций, но не их опровержение, которое, скорее всего, и не требуется.

Материалы российской прессы свидетельствуют о неприемлемости оголтелого национализма. Общим местом является экскурс в недавнее прошлое, когда людей не делили на *москалей, хохлов, черных, лиц кавказской национальности — всё это были „Мы“, все они были „НАШИ“.* Отсутствуют призывы вернуться в «совок», но отстаиваются принципы интернационализма. Вспышка этнической ненависти находит психологическое обоснование: *Нет возврата к Советскому Союзу, и это правильно! Но кое-*

чему хорошему у прошлого можно поучиться. К примеру, украинцам не комплексовать, как нынче, перед **москалями**! Все эти выкрики в адрес **москалей** — это комплекс неполноценности. Не понимаю, с чего вдруг? Ведь украинский народ сильный, народ огромный, талантливый, с богатейшей духовной культурой. Своеобразная уступка этнической нетерпимости — попытка разграничения «москалей» и русских, обнаруживающая готовность понять истоки ненависти: *Согласен с тем, что **москали** в большинстве своем просто отвратительны! Но **москали** и **русские** — разные люди! **Москали** — сборная финансов уродов и мошенников, а **русские** люди — трудяги! Не все, конечно, к сожалению.*

Российский ответ на утверждение «Во всем виноваты проклятые **москали**» — признание нецелесообразности политики компромисса, связанной с решением газовой проблемы. Уступчивость русских наталкивается на неблагодарность, цинизм и изворотливость противоположной стороны. Например, реакцией на анекдот, сконструированный в вопросно-ответной форме, является, с одной стороны, вербализация эмоции вопиющей несправедливости; с другой стороны, трезвый перечень стратегически не продуманных действий «не в свою пользу». Приведем выдержку из газеты «Своими именами»:

<...> рассказывают такой анекдот:

*Зачем Украине трезубец? — Чтобы насаживать на него **москалей**. — Но они будут протухать. Поэтому их надо чаще менять.*

Мы теряемся от этой наглости. Мы не находим в себе ни злобы, ни ненависти, чтобы тем же ответить. <...> Далее следуют иронические реплики-реакции от имени излишне доверчивых «москалей». Вот некоторые из них:

***Москалей** насаживали на трезубец, когда безнаказанно воровали газ в магистральных газопроводах. И чтобы скрыть свое бессилие, московские власти назвали воровство газа „несанкционированным отбором“. **Москалей** насадили на трезубец, когда покупали газ по дружеским ценам, а перепродавали по мировым. **Москалей** насадили на трезубец по самое горло, когда вынудили нести многомиллиардные затраты на строительство новых трубопроводов в обход Украины. <...>*

В 2006 году Кремль девять месяцев пытался слезть с трезубца, жестко предлагая Украине европейские цены на газ. Однако премьер Украины на вопрос журналистки „Даст ли Россия газ Украине на украинских условиях?“ с усмешкой ответил: „Куда она денется!“ Казалось, Кремль не

*снесет такой оплеухи, но **москали** даже не огрызнулись, они прочно сидели на трезубце, и Киев лишь „поменял **москаля** на трезубце“, добившись цены на газ меньше европейской.*

Установка на трезвый прагматизм, как следует из многочисленных комментариев, должна возобладать в отношениях между Украиной и Россией, способствовать выработке «общей стратегии взаимодействия» [Щербинина 2006: 98].

Закономерен вопрос: является ли представленный языковой материал объективным отражением определенного периода языкового существования? Действительно, актуальные высказывания приводились российскими журналистами со ссылками на чужую речь. В некоторых случаях в прессе допускались неточности, в том числе неточности перевода, однако фальсификация языкового материала, прежде всего текстов-примитивов (лозунгов, речовок, кричалок, дразнилок), сочетаний-ярлыков, перечислительных рядов, включающих неофициальные и официальные этнонимы, исключена.

Технология формирования образа врага с использованием механизмов этнической идентичности не является новой для суггестивного языка вражды, однако намеренных выпадов, вербальных оскорблений украинцев в исследованном материале не обнаружено.

Важно, что события на Украине, как показал проведенный эксперимент, не вызвали ненависти к украинцам со стороны студенческой молодежи. В русской культурной среде (исключения должны быть исследованы особо) преднамеренное употребление в речи неофициальных этнонимов в составе инвективных высказываний по-прежнему осознается как непозволительное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безугла Л. Р., Романченко И. О. Лингвопрагматика дискримінації у публіцистичному дискурсі. — Харків : ФОП Лисенко І. Б., 2013.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз., 1978—1980.
3. Йокояма О. «Свои» и «чужие»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 463—474.
4. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 458—463.
5. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д : Феникс, 2010.

6. Мокшенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
7. Никитина Т. Г. Молодежный сленг : толковый словарь. — М. : АСТ, 2004.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1988.
9. Русско-украинский словарь : в 3 т. АН УССР. — Киев : Наукова думка, 1968.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1981—1984.
11. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. — М. : Эксмо, 2006.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2008.
13. ТСУ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935—1940.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства / Б. А. Успенский. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 7—225.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М. : Прогресс, 1964—1973.
16. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. — М. : КомКнига, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.